

Л. А. Абукаева

ПИЩЕВОЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОД В ТЕКСТАХ МАРИЙСКИХ МОЛИТВ

Статья посвящена лингвокультурологическому анализу ритуальных и символических коннотаций, которыми наделяются бескровные дары на марийских молениях. Исследование культурных кодов марийской этнической религии позволяет раскрыть смысл таких категорий и элементов традиционной культуры, которые в настоящее время могут проявляться фрагментарно и вызывать затруднения в понимании, интерпретации, и, как следствие, возникают ошибки в толковании, попытки искаженной трактовки основ вероучения. Культурные коды в текстах марийских молитв проявляются в вербальном, акциональном, предметном воплощениях в неразрывном единстве и отличаются многозначностью, многоплановостью. Комплексный анализ текстов молитв, обрядов, при соотнесении с фольклорными жанрами позволяет установить, что особое значение в ритуальной практике мари имеют хлеб, блины и творожник. Символические коннотации анализируемых слов раскрываются в текстах молитв, заговоров, благопожеланий, в мифах, в пословицах, в запретах, толкованиях сновидений. Молитвенные дары подтверждают договорные отношения между людьми и богами, служат залогом благополучия, милости, изобилия, плодородия. Постоянные эпитеты, сравнения в текстах молитв выступают не столько как средства выразительности, сколько как образы, наделенные символическим, мифологическим и ритуальным смыслом.

Ключевые слова: марийский язык, марийская этническая религия, лингвокультурология, тексты молитв, культурный код, вербальный код, акциональный код, предметный код, пищевой культурный код.

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-6-13

Актуальность изучения этнических религий народов России обусловлена несколькими факторами. С одной стороны, это влияние глобализации, урбанизации, массовой культуры на традиционную культуру и в этих условиях активные попытки навязать и вживить «чужой» культурный код в духовное пространство страны. С другой стороны – усиление роли религиозного фактора в жизни человека и общества с конца XX в., возрождение этнических религий в постсоветском пространстве, обращение к традиционным духовным ценностям, «обеспокоенность по поводу будущего» [Шабыков 2022, 464] традиционной культуры и этнических религий.

Марийская этническая религия сегодня – это верования, культы, ритуалы, обряды, пронизывающие многие сферы жизни человека и общества. Она является одной из важных составляющих «этнической идентичности людей в многонациональном российском обществе» [Алыбина 2012, 95] и в настоящее время переживает этап возрождения открытых религиозных практик и институционализации.

Неотъемлемая часть марийской этнической религии – тексты молитв, в которых отражаются основы вероучения, мировосприятия, хранятся культурные коды, находят свое воплощение базовые религиозные концепты. Культурные коды обнаруживаются в вербальном, акциональном, предметном воплощениях в неразрывном единстве и отличаются многозначностью, многоплановостью. Исследуя культурные коды, можно понять национально-культурные особенности языка, которые сложно объяснить любым другим способом, так как культурный код позволяет установить соответствие между словом и его значением – выявить глубокие смыслы уникальных культурных явлений. [Narziyeva 2022, 350]. Комплексный анализ текстов и обрядов позволяет в определенной мере реконструировать утраченные фрагменты ритуальной практики и сакральных текстов. Древнейшие культурные коды сохраняются в своих вариантах в разных обрядах и молитвенных и фольклорных текстах, их сопоставление позволяет расшифровать содержащуюся в них информацию.

Мари проводят моления с целью принесения даров богу/богам, поскольку, согласно основам вероучения, жизнь на земле устроена так же, как на небе. Религиозные ритуалы укрепляют связь людей с богами, восполняют небесное изобилие. Дары служат выражением единения человека с окружающим миром, чувства сопричастности ему, чувства включенности в единое целое природного жизненного

потока, стремления поддержать, не нарушить динамическое равновесие, которое должно существовать между разнообразными и разнонаправленными процессами природы и культуры, соблности традиции и порядок, связывающий жизнь людей и природы [Дмитриева 2000, 13]. Именно эти стремления и такое понимание является близким для приверженцев марийской этнической религии.

Обобщенное обозначение даров для богов – *пӧлек* ‘дар’, *налмаш* букв. ‘то, что берется’. Дары: части хлеба, блинов, сырников, кровяной колбасы, кровяных лепешек, каши, мяса животных и птиц (определенные части), часть денежных приношений – на молениях отправляют в огонь. Порядок принесения даров и поныне определяется статусом бога, божества, значимостью моления, возможностями группы молящихся, порядком, цикличностью ритуальных практик.

Среди молитвенных даров особое значение придается бескровным дарам. Они имеют важный смысл, который можно раскрыть при лингвокультурологическом анализе текстов молитв, обрядов, при соотнесении их с фольклорными жанрами. Данная статья посвящена анализу ритуальных и символических коннотаций, которыми наделяются такие дары, как хлеб, блины, творожник, каша, яйца, масло.

Кинде ‘хлеб’, согласно марийским мифам, первый хлебный дар *Юмо*. Приготовленный для молений хлеб в текстах молитв получает обозначение *кугу неран кинде* ‘большой хлеб с защипами (букв. с носом)’, *ойгинде* ‘договорной / намоленный хлеб’, *тичмаш кинде* ‘целый, непечатый хлеб’, *тичмаш ойгинде* ‘целый договорной / намоленный хлеб’, *кугу перкеле (нолго) кинде* ‘букв. большой, изобильный хлеб’, *тичмаш кинде сукыр* ‘целый, непечатый каравай хлеба’, *оян-шӧран / уян-шӧран кинде* ‘хлеб на масле и молоке (букв. хлеб с маслом и молоком)’, *шергинде* ‘пресный хлеб’, *онымо кинде* ‘вымешенный хлеб’, *тӱп кинде* ‘главный, основной хлеб’, *тӱн кинде* ‘главный, основной хлеб’, *шорва киндэ* ‘хлеб на медовой сыте’, *ший неран кинде* ‘хлеб с серебряными защипами’, *пӱтынь кинде* ‘целый хлеб’, *кава помыш гай тичмаш кинде* ‘подобный небосводу цельный хлеб’, *тичмаш кумалтыш кинде* ‘цельный молитвенный хлеб’. Все номинации и их распространители хранят в себе древние культурные коды, смысл которых раскрывается при анализе текстов молитв и значений слов.

В словаре марийского языка дано следующее толкование значения слова **шергинде** с иллюстрациями: кул. лепёшка из пресного теста. *Шӱльб шергинде* лепёшка из овсяной муки. (*Начи*) *конга гыч шергиндым кӱэзит луктат, кӱсотыш каяш погаш тӱнале*. В. Сапаев. Начи, выгачив из печки лепёшки из пресного теста, стала собираться в мольбище. *Кугу онлан (ӱдырамаш) ондак шергиндым пуэн да тамлен ончаиш темлен*. Тошто ой. Великому вождю женщина сначала отдала лепёшку из пресного теста и предложила отведать [СМЯ 2004, Т. 9, 103]. В целом примеры из словаря носят информативный характер, однако помета *кулинарное* сужает сферу употребления этого слова и не дает прямую отсылку к религиозной сфере.

Примечательно, что слово *шере* в диалектах марийского языка имеет разные значения, а в литературном языке выступает как многозначное, что зафиксировано в лексикографических трудах: 1. прил. сладкий; имеющий приятный вкус, свойственный сахару. 2. прил. пресный; не квашенный; изготовленный без закваски. 3. прил. пресный; бессоный; без соли, недосолёный. 4. прил. перен. сладкий; приятный; доставляющий удовольствие. 5. прил. перен. пресный; лишённый остроты, занимательности, живости [СМЯ 2004, Т. 9, 103].

Слово с первым значением функционирует в луговом наречии марийского языка, с третьим – в восточном. Оба варианта реализации значения слова (сладкий и пресный) вполне объяснимы: *шергинде* замешивается на меду, на масле. В настоящее время тесто для этого хлеба готовят без закваски, не солят. Пресный хлеб – одна из древних форм хлеба и даров богам. У мари существует также обряд класть усопшему за пазуху в мешочке пресные блины. Блины диаметром 4–5 см. замешиваются на воде без соли, их кладут в мешочек, сшитый крупными стежками швом «назад иголку», поскольку это дар в нижний мир.

Сочетания *тӱн кинде* и *тӱп кинде* идентичны. Одно из значений слова *тӱп* в марийском языке – основной, главный, синонимом к этому слову выступает лексема *тӱн*. Информативна иллюстрация к словарной статье *тӱп* в толковом словаре марийского языка: *Тӱп кинде* ‘жертвенный хлеб’ во время моления кидают вокруг священного дерева (*онану*) [СМЯ 2002, Т. 7, 349].

Следующий дар полисемантический: *неран кинде* – хлеб с защипами, которые делают тремя пальцами. Его символическое значение – соотнесенность с тремя богами: *Ош кугу Юмо* ‘Светлый Великий Бог’, *Мланде ава* ‘Богиня-мать земли’, *Шочын Ава* ‘Богиня-мать рождения’. Другое смысловое наполнение защипов – символическое обозначение молитвенных просьб о *шулык* ‘благополучии’,

серлагыш ‘милости’, *перке* ‘изобилии’. Защипы делаются, с одной стороны, для того чтобы эта часть была преподнесена богу, ее отправляют в огонь, с другой стороны, это своеобразная «печатка» договора с богом. Отсюда и название – *ойгинде* ‘букв. договорной хлеб’ (см. ниже). Иное толкование значения *неран* связано с тем, что хлеб выпекается из муки, которая готовится из пророщенных зерен: ср.: *нер* – росток растений.

У чувашей на жертвенной лепешке путем оставления неровностей сбоку делаются зарубки, лепешка так и называется – «с зарубками» или «имеющая нос». Количество этих «носов» – три или пять, других чисел не встречается. Величину каждой зарубки сравнивают с орехом, делают неровности, прищипывая тесто пальцами [Салмин 2010, 16].

Примечательно, что у восточных мари защипы на хлебе не делаются, более того, защипы истолковываются как неподобающее отношение к хлебу [ПИМА 2022]. Так порой локальные различия в обрядовой составляющей мари́йских молений носят прямо противоположный характер.

Название *ойгинде* точнее всего раскрывает смысловое наполнение дара: это хлеб, подтверждающий договорные отношения человека с богом: *ой* в одном из значений – ‘слово’ + *кинде* ‘хлеб’. *Ойгинде кумалме юмылан да чыла ешыжлан посна чылаже индеше кўлын. Шўльё ложаш дене нōштылын, тыгыде шергинде-влакым ўяча семын ыштылыыч. Кажныжын ўмбакише кум парня дене «ой» манын темдалыыч. Кумалаш юмылан да пиямбаржылан кугурак форман да кок ой темдалманым, мольшитлан изиракым да ик ой темдалманым ыштылыныт* [НРФ МарНИИЯЛИ. От. 1. Д. 471. Л. 116] «*Ойгинде* для бога, в честь которого совершалось моление, и для его семьи требовалось девять. Замесив тесто из овсяной муки, сделали небольшие хлебцы, наподобие колобков. Поверх каждого тремя пальцами сделали защипы, сказав: «Ой». Богу, в честь которого проводилось моление, и его *Пиямбару*, сделали хлеб по форме больше и с двумя договорными защипами, остальным поменьше и с одним защипом».

Девять *ойгинде* предназначаются *Вуйўмбал Кугу Юмо* ‘Великому Юмо над головой’, *Пиямбарже* ‘Его Пророку’, *Пўрышыжō* ‘Его Предопределителю’, *Шочынжо* ‘Его Зиждителю’, *Перкеже* ‘Его Изобилию / Благодати’, *казначейже* ‘Его казначею’, *витньызыже* ‘Его докладчику’, *суксыжо* ‘Его ангелу’, *серлагышыже* ‘Его милости’.

Название *ўян*, *шōран кинде* букв. ‘хлеб с маслом, молоком’ раскрывает секреты рецептуры: его замешивали на масле [Евсеев 1994, 160] и / или на молоке.

Тичмаш кинде ‘целый / непечатый хлеб’ – символ полноты, гармоничности жизни. Когда во время моления от хлеба берут защипы и отправляют их в огонь, обращаются к богу со словами: *Сукыр гай тичмашым пуэн шого. Кече гай волгалтын, тылзе гай нōлтын, шушо руаш гай оварен, илаш поро, сай шулыкым пуэн шого* [НРФ МарНИИЯЛИ. МЭЭ 1980, 59] «Дай полноты, как у каравая. Словно солнце, сияя, словно луна, поднимаясь, словно готовое тесто, поднимаясь, ниспосылай доброго благополучия». То, как подходит тесто и как поднимается хлеб в печи, означает подъем душевного состояния и материального благополучия: *А вўчен товлó! Тиде тичмаш кинде гане В... изалан (шольылан) оварген илашыже поро тазалыкым пу, Поро Кугече Юмо!* [Марий кумалгыш мут 1991, 142] «А с любовью прими! Подобное этому целому хлебу здоровья дай брату В..., чтобы ему жить в благополучии (букв. поднимаясь)».

Сравнительные обороты также раскрывают символические коннотации хлебных даров: *шушо кинде гане пенгыде* ‘как испеченный (букв. спелый) хлеб, крепкий’; *тичмаш кинде гане тазалык* ‘подобное цельному хлебу здоровье’.

Во время молений на цельный хлеб кладут мед, масло, денежные подношения (монеты белого металла), а также творожник.

Мелна / салмапуш ‘блины’, букв. ‘запах / аромат сковороды’, с одной стороны, имеют связь с культом солнца, с другой стороны, воплощают жизненные силы, что позволяет не только растениям и животным, но и семье, роду разрастаться, размножаться, расширяться. Этот смысл содержит сравнение из текста молитвы: *вожышым мелна гане кумда ыште* «корни сделай, как блины, широкими». Постоянные эпитеты к слову *мелна* в текстах молитв актуализируют эмоционально-оценочные значения и такие признаки, как цельность, непечатость: *тичмаш* ‘цельный’, *кугу* ‘большой’, *кўпшан* ‘мягкий’.

Блины для молений в настоящее время пекут из овсяной, ячменной и пшеничной муки. Количество блинов в стопке нечетное – от семи до девяти: чет-нечет имеет соотнесенность с миром мертвых и миром живых соответственно.

Сакральное значение блинов подкрепляется множеством *ойёрё* ‘табу’. Так, при выпекании их в дар богам нельзя пробовать тесто, нельзя печь блины на двух сковородках – счастья не будет. Блины нельзя резать ножом, их складывают сначала вдвое, рвут руками надвое и это же действие повторяют, получают четвертинки – *мелна осо*. Функция запретов – подчеркнуть уважение к объектам поклонения и предотвратить действия, противоречащие нормам [Abukaeva, Krasnova, Kabaeva 2016, 1772]. Соблюдение этих табу обеспечивает целостность, непочатость пищи – *тичмаиш*.

Положительной коннотацией отмечены блины и в сновидениях: *омышто мелна кочмым ужат гын, окса толеш* [Tscheremissische Texte 1957, 410] ‘если во сне будешь есть блины, то деньги придут’. При зазывании солнца, когда оно скрывается за тучами перед дождем, дети сулят солнцу масляный блин: *Кече, лек, кече, лек – үян мелнам пукшем!* «Солнце, выйди, солнце, выйди – угощу масляным блином».

Значимость этого дара подтверждается и тем, что среди молитвенных текстов отдельно выделяются молитвы перед вкушением блинов, а также ритуалами, в которых в качестве подношений богам, божествам и духам используются только блины. Так, например, осенью по окончании молотьбы кусочками блинов с маслом одаривали *кинде шочын* ‘зиждителя хлеба’ и *агун сакче* ‘хранителя овина’, прося у них легкости в работе, изобилия урожая, приплода скота, оберега от огня и различных напастей [Веке 1995, 464].

Части мясных даров богам отправляют в огонь, разложив на блин либо на липовую кору или бересту.

Блины с припеком из каши (*немыран мелна, шўрашан мелна*) также относятся к пище, имеющей сакральный смысл.

Ритуальная и символическая коннотация *туара* ‘творожника, творожной лепешки’ как подношения богам также многозначна. Творожник символизирует солнце, жизненную энергию, которую дает солнце, что в текстах молитв передается выражениями: *кече гае волгалтын / нёлталтын илаиш* ‘как солнце, сияя / поднимаясь, жить’; *кече гае шокшын илаиш* ‘букв. как солнце, жить тепло’; *кече гае савырнен толаиш* ‘как солнце, возвращаться’.

В молитвенных текстах слово *туара* употребляется также с образными распространителями: *ош туара* ‘белый творожник’, *тичмаиш туара* ‘целый творожник’, *кугу тичмаиш туара* ‘большой, целый творожник’, *волгыдо тўс дене волгалтарыше ош туара* ‘освещающий светлым цветом творожник’, *тичмаиш үян туара* ‘целый масляный творожник’.

Туара символизирует небо, светлую жизнь, напоминая по форме небосвод, символически указывает на то, что жизнь на земле, по верованиям мари, берет свое начало с неба, поэтому именно с вкушения *туара* молящиеся начинают трапезу. Являясь даром для бога, богов, *туара* возносит молитвенные обращения верующих в небо.

Будучи молочным продуктом, *туара* воплощает в себе силу *Шочын Ава* ‘Богини-матери рождения’.

Символический смысл *туара* раскрывается также в текстах благопожеланий: *Пелашыжлан, польшкальыше пёръен-шамычлан, озан шочшыжлан кинде сукыр гай пенгыде тазалыкым, ош туара гай ош илышым, үй гай яклака илышым тыланена* [Марий кумалтыш мут радам 2018, 12] «Супруге молящегося, помогавшим мужчинам, детям хозяина желаем, как хлебный каравай, крепкого здоровья; как белый творожник, светлой, как масло, гладкой жизни».

Туара готовится из творога, к которому добавляют яйца, сметану, немного соли. До готовности его доводят в нежаркой печи, уложив на блин.

Творожник, как и хлеб, в обязательном порядке кладут в мешок с подарками со стороны дома невесты дому жениха, а также в мешок, предназначенный для первого встречного во время похорон [Веке 1995, 282].

Немыр ‘каша’, *пучымыш* ‘каша’, *немырвод* ‘букв. котел с кашей’ в марийском религиозном дискурсе символизируют ровную, гладкую жизнь.

В текстах фольклора сохранились сведения об изначальном рецепте этой ритуальной пищи: *Кумалтыш годым кугу подеш пучымышым шолтеныт. Шинчалым огыт пыште улмаиш. Шинчал – осал вий. Шерым веле кочкиныт. Памаш вўдым веле налыныт* [Марий калык ойпого 1991, 34] «Во время моления кашу варили в большом котле. Туда соль не клали. Соль – это злая сила. Ели бессолую (кашу). Воду брали только родниковую». Ср.: *Ньэмёр, ньэмэр* – кашлица. *Ньэмёрым кумалмаиштэ уржа ложаш дэнэ йиштат* [Васильев 1926, 130] «Кашичу на молениях готовят из ржаной муки».

В наши дни ритуальную кашу варят из трех или пяти видов крупы: овсяной, ячменной, пшеничной, гречневой, полбяной – и подсаливают. Иногда добавляют рисовую крупу, поясняя тем, что так каша будет вкуснее, т. е. ритуальные и символические смыслы отодвигаются на второй план.

Котел для каши подвешивают на жердь, когда закипает мясо в котлах, поскольку из них в кашу добавляют накипевший жир. В случае, когда моления проводят без даров-животных, кашу сдабривают сливочным маслом, но при этом масло тоже должно быть «цельным, непочатым», так что берут его непосредственно с круглых масляных «головок». К этой каше добавляют часть каши, которую варят перед молением в доме, откуда выносят главный хлеб. Такую кашу называют *туртыктым*, так как ее не доваривают. Так она сохраняет свою живую силу. Считается, что это способствует быстрому росту посевов, их силе. Такая обрядовая пища связана с магией плодородия. Эта культурная универсалия присуща ритуальной практике многих народов, изначально зерна не должны были утратить свою всхожесть [Иванова 2005, 39].

В марийских молитвах встречаются выражения *тичмаш немыр* ‘цельная каша’, *ўян немыр* ‘масляная каша’, *кугу немыр под* ‘большой котел каши’, *пушкыдо немырвод* букв. ‘котел с мягкой кашей’.

Среди признаков составляющих значимым является и такое свойство каши, как ее густота: в молитвенных просьбах об урожае используется сравнение *вожшым кышал терке кумдык шарен, олымжым немыр под гане нугыдым ыштен* [Евсеев 1994, 148] «корни распространив подобно тарелке киселя, солому сделав густой, как котел каши».

Воспринимая *муно* ‘яйцо’ как источник и символ зарождение жизни, верующие мари в своих молитвенных обращениях используют образ этого дара, чтобы просить о славной жизни: *Муно гай чумыраш, тутло ылышым пуэн шогыза* букв. ‘как яйцо, сладостную полную жизнь определяйте’.

Древнейший код, который сохраняется в текстах молитв как сакральных, – код мифологический. Так, в ракурсе мифологической интерпретации могут быть рассмотрены некоторые образные сравнения. За средством выразительности скрывается культурный код. Рассмотрим в качестве примера следующий фрагмент текста: *...шошым лектын, ик кашетым савырен, кум пырче шурныжым кышкалын, тўжсем пырче шурнетым шочыкто, тўнжым нугыдын шочыкто, вондыжым виче омыж гае кўжгўм ыште, вуйжо муно гане тутто лийже* [Марий кумалтыш мут 1991, 185] «Весной выйдя, один пласт (земли) перевернув, кинув три зернышка, тысячи зерен урожая роди, корни густо роди; стебли, как осока у реки Белой, длинными сделай; колосья, как яйцо, пусть будут полными / зрелыми». Образное выражение *вуйжо муно гане тутто лийже* ‘колосья, как яйцо, пусть будут полными / зрелыми’ не только имеет символический смысл, но и отсылает к известному общефинно-угорскому сюжету космогонического мифа о ныряющей птице. Приведем его фрагмент из материалов Ю. А. Калиева: «На лоно первичного океана из своего гнездовья «Лудо пыжаш» (букв. «Утиное гнездо» – созвездие Плеяды) прилетела утка. Снесла два яйца. Она их высидела под своими крыльями. Из этих яиц родились два брата-селезня – *Юмо* и *Йын*» [Калиев 2019, 15]. Следует отметить, что мифологическая картина многих народов мира начинается с сотворения суши птицей.

У мари известен обряд, который проводится перед весенним севом: в землю зарывается яйцо с просьбой о хорошем урожае. Яйцо в этом контексте выступает символом плодородия. Расшифровка такого культурного кода содержится в другом тексте молитвы: *Ўден шуктымõнгõ, тичмаш киндыжым чоклен, мландеш кинде нержым, чумыраш муныжым чыкен пыштен, высмылтен кочкын* [Марий кумалтыш мут 1991, 91–92] «Завершив сев, с целым хлебом помолвившись, в землю зачаток хлеба (букв. нос хлеба) зарыв, круглое яйцо зарыв, молясь, ел». В этой молитве зашифрован фрагмент обряда, который проводился весной перед посевом: глава семьи со своей женой на закате проводил обряд угощения Матери земли (*Мланде авам пукиен*) на своем поле и воодушевлял землю к плодородию (*Мланде авам кумлангден*). Наличие элементов эротизма, мотивов семейно-брачной обрядности в земледельческих обрядах, в ритуальной запашке и посеве объясняется представлениями о земле как о женском существе, которое следует оплодотворить. Такое понимание со времени раннего производящего хозяйства проникло в мифологию многих народов [Иванова 2005, 65].

Крашенные яйца на празднике *Кугече* и во время молений на *Агавайрем* символизируют цвет солнца. Считается, что оставленным после этого праздника яйцом можно потушить пожар.

Ўй ‘масло’ в системе молитвенных ритуалов также наделяется символическим смыслом. Сливочное, топленое масло используют при приготовлении обрядовой каши, блинов, хлеба. Маслом и медом обливали липу, возле которой совершался обряд вызывания дождя, так что эти продукты мог-

ли быть отдельными дарами богам. Также масло, завернутое в полотенце, оставляли на священном дереве в роще, когда совершали обещанное моление и в качестве дара на самом молении сушили корову [Tscheremissische Texte 1957, 458].

Такие свойства продукта, как нежность, легкость масляной пены, переносились на действие и его желаемый результат: ...*олымжым немыр под гане нугыдым ыштен, муно гане тутым ыштен, үй гане ныжылгым ыштен* [Евсеев 1994, 148] «солтому сделал, словно каша в котле, густой, словно яйцо сытной, словно масло, нежной».

Этот признак находил отражение и в текстах заговоров: *Пучымыш шон гай, үй шон гай, вүд шон гай шулен-шөрлен кайыже!* [Петров 1993, 62] 'Пусть, как пена на каше, как пена на масле, как пена на воде, растает-исчезнет!' В текстах заговоров встречается выражение *кутко үй* 'букв. муравьиное масло': *Түтыра кузе шула, туге шулыжо! Кутко үй кузе шула, туге шулыжо!* [Петров 1993, 64] «Как туман тает, пусть так же растает! Муравьиное масло как тает, пусть так же растает!».

Значимость этого дара закреплена в локальном названии осеннего моления: *Агавайрем ыжымат эртаренит. Южо вере тудым үян Агавайрем маныт. Тиде кумалтышыш чиялтыме муным огыт нарий. Утларакшыш салмавуш, үян торык когыльо дене кумалаш мият. Кумалме годым Ош Кузу Юмылан, Түня юмылан, Агавайрем юмылан, Мланде Авалан, Перке Авалан да моло пагалыме юмылан таум ыштат, үден кодымо шурным, вольыкым арален ашнаш, ялмарий калыкым шулык, серлагыш, перке дене йывырткыташ йодыт* [Марий кумалтыш мут радам 2018, 23] «Праздник пашни раньше и осенью справляли. В некоторых местах его именуют масляный праздник пашни. На эти моления крашенные яйца не приносят. Чаще всего молиться приходят с блинами, с масляными пирожками (варениками), с творогом. Во время моления благодарят Светлого Великого Юмо, Бога Вселенной, Бога праздника Агавайрем, Мать земли, Мать изобилия и других почитаемых богов, просят защиты для посевов, для скотины, о здоровье, милости и благополучии для деревенского народа молятся».

Таким образом, каждый дар, приносимый богам на моление, имеет ритуальные, символические и мифологические коннотации. Особым смыслом наделяется не только дар в целом, но и его ингредиенты. Имея высокую значимость, дары богам должны отвечать довольно жестким требованиям. Первостепенное значение придается целостности, цельности, непочатости, чистоте подношений.

Изучение, расшифровка культурных кодов раскрывает смысл таких категорий и смыслов, элементов и фрагментов традиционной культуры, которые для древних мари были естественными и гармоничными, но в настоящее время могут проявляться фрагментарно, затемненно и вызывать затруднения в их понимании, интерпретации, и, как следствие, возникают попытки искаженной трактовки, лженаучных толкований основ вероучения. Именно поэтому требуется комплексный анализ культурных кодов с привлечением обширных этнографических и фольклорных материалов, сакральных текстов.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев В. М. Марий мутэр. Түрлө вэрэ ильпшэ марийын мутшым танастарэн нэргэлышэ кнага. Моско: СССР калык-влак рүдө савыктыш, 1926. 348 с.

Дмитриева Т. Н. Жертвоприношение: поиски истоков // Жертвоприношение. Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней. М.: Языки русской культуры. С. 11–22.

Евсеев Т. Е. Калык ойпого: тошто годсо марий ойлымаш, йомак, ончык лийшаш пале, омо кусарыме, туныктен каласыме, воштылтыш, тушто, кумалтыш мут да шүведыме ю-влак. Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш. 1994. 208 с.

Иванова Ю. В. Труд людей и мир богов // Этноэкологические аспекты духовной культуры / ред.: В. И. Козлов, А. Н. Ямсков, Н. И. Григулевич. М.: ИЭА РАН, 2005. С. 58–80.

Калиев Ю. А. Мифы марийского народа. Йошкар-Ола: Издательский дом «Марийское книжное издательство», 2019. 447 с.

Марий калык ойпого. Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания / сост. В. А. Акцорин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 208 с.

Марий кумалтыш мут / сост. Н. С. Попов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 256 с.

Марий кумалтыш мут радам / «Марий кумалтыш погын» марий юмыйўлан у Торьял юмыйўла организацийжым вуйлатыше В. Г. Блинов ямдылен. Йошкар-Ола: «Марий Эл» газет ООО, 2018. 36 с.

НРФ МарНИИЯЛИ. От. 1. Д. 471.

НРФ МарНИИЯЛИ. МЭЭ 1980. № 97.

Петров В. Н. Марий Ю: Түрлө локтымо, чер, мужо ваштареш шүведымаш. Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш, 1993. 160 с.

ПМА 2022 – полевые материалы автора, информ. Пастиев Г. П., 1954 г. р., главный карт, руководитель Централизованной Религиозной Организации Марийской Традиционной Религии Республики Башкортостан, 2022.

Салмин А. К. Традиционные обряды и верования чувашей. СПб.: Наука, 2010. 240 с.

СМЯ – Словарь марийского языка = Марий мутер: В 10 т. / гл. ред. И. С. Галкин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990–2005. Т. 7. 2002. 432 с.; Т. 9. 2004. 520 с.

Шабьков В. И. Марийская традиционная религия на современном этапе // Марийская традиционная религия: история и современность: матер. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. Году культурного наследия народов России / МарНИИЯЛИ. Йошкар-Ола, 2022. С. 454–470.

Abukaeva L. A., Krasnova N. M., Kabaeva N. F. Objects of Worship and Veneration in Mari Taboos // The Social Sciences. 2016. Vol. 11. № 8. P. 1772–1775.

Alybina T. Contemporary Mari Belief: The Formation of Ethnic Religion // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2012. Vol. 2. P. 95–114.

Beke Ö. Mari Szövegek (Tscheremissische Texte) 2. Savariae, (Bibliotheca Ceremissica 1). 1995. 466 old.

Narziyeva G. The essence of national-cultural code in language // Oriental Renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences. 2022. Vol. 2. № 11. P. 348–355.

Tscheremissische Texte / Gesammelt und herausgegeben von Ö. Beke. Bd. I Budapest: Adémiai Kiadó, 1957. 692 s.

Поступила в редакцию 10.11.2023

Абукаева Любовь Алексеевна

доктор филологических наук, главный научный сотрудник

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
им. В. М. Васильева

424036, Россия, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, д. 44

E-mail: sylne@mail.ru

L. A. Abukaeva

FOOD CULTURAL CODE IN THE TEXTS OF MARI PRAYERS

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-6-13

The article is devoted to the linguocultural analysis of ritual and symbolic connotations that are given to bloodless gifts at Mari prayers. The study of the cultural codes of the Mari ethnic religion makes it possible to reveal the meaning of such categories and elements of traditional culture, which at present may appear fragmentarily, obscurely and cause difficulties in their understanding and interpretation, and, as a result, errors in interpretation and attempts to distort the fundamentals of the doctrine arise. Cultural codes in the texts of Mari prayers are manifested in verbal, actional, and substantive embodiments in an inextricable unity and are distinguished by their polysemy and versatility. A comprehensive analysis of the texts of prayers and rituals, when correlating them with folklore genres, allows us to establish that bread, pancakes, and cottage cheese are of particular importance in the ritual practice of the Mari. The symbolic connotations of the analyzed words are revealed in the texts of prayers, conspiracies, good wishes, in myths, in proverbs, in prohibitions, and in interpretations of dreams. Mari conduct prayers with the aim of bringing gifts to the god/gods, since, according to the basics of belief, life on earth is the same as in heaven. Religious rituals strengthen the connection between people and gods and replenish heavenly abundance. Gifts serve as an expression of a person's unity with the world around him, a sense of inclusion in the harmonious natural flow of life, and the desire to maintain the balance that exists between the heavenly and earthly worlds. Prayer gifts confirm contractual relationships between people and gods and serve as a guarantee of well-being, mercy, abundance, and fertility. Constant epithets and comparisons in the texts of prayers act not so much as means of expressiveness, but as images endowed with symbolic, mythological and ritual meaning.

Keywords: Mari language, Mari ethnic religion, linguoculturology, texts of prayers, cultural code, verbal code, actional code, substantive code, food cultural code.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2024, vol. 18, issue 1, pp. 6–13. In Russian.

REFERENCES

- Vasil'ev V. M.** Marij muter. Türlö vjerje iljšhje marijñn mutshým tanastaren nergelyshje knaga (Marijskij slovar) [Dictionary of the Mari Language]. Moscow, SSSR kalýk-vlak rüdü savýktýsh, 1926. 348 p. In Mari.
- Dmitrieva T. N.** Zhertvoprinoshenie: poiski istokov [Sacrifice: Search for Origins] // *Zhertvoprinoshenie. Ritual v kul'ture i iskusstve ot drevnosti do nashih dnei* [Sacrifice. Ritual in culture and art from antiquity to the present day]. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., pp. 11-22. In Russian.
- Evseev T. E.** Kalyk ojogo: toshto godso marij ojlymash, jomak, onchyk lijshash pale, omo kusaryme, tynykten kalasyme, voshtyltysh, tushto, kumaltysh mut da shüvedyme ju-vlak [Mari folklore: Mari tales, fairy tales, prophecies, morals, humor, mysteries, prayers and spells]. Joshkar-Ola, Mar. kn. savyktýsh Publ., 1994. 208 p. In Mari.
- Ivanova Ju. V.** Trud ljudej i mir bogov [The work of people and the world of gods]. *Etnojekologicheskie aspekty duhovnoj kul'tury* [Ethnoecological aspects of spiritual culture]. Moscow, Institute of Ethnology and Archeology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2005, pp. 58–80. In Russian.
- Kaliev Ju. A.** Mify marijskogo naroda [Myths of the Mari people]. Joshkar-Ola, Izdatel'skij dom Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2019. 447 p. In Russian.
- Marij kalyk ojogo. Marijskij fol'klor: Mify, legendy, predaniya* [Mari folklore: Myths, legends, traditions]. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1991. 208 p. In Mari and Russian.
- Marij kumaltysh mut t* [Texts of Mari prayers]. Compiler N. S. Popov. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1991. 256 p. In Mari.
- Marij kumaltysh mut radam* [Texts of Mari prayers]. Joshkar-Ola, "Marij El" gazet Publ., 2018. 36 p. In Mari.
- NRF MarNIIJaLI* – Nauchnyj rukopisnyj fond MarNIIYALI, ot. 1, d. 471. p. 116.
- NRF MarNIIJaLI* – Nauchnyj rukopisnyj fond MarNIIYALI. MEE 1980, no. 97, p. 59. In Mari.
- Petrov V. N.** Marij Ju: Türlö loktymo, cher, muzho vashtaresh shüvedymash [Mari charms]. Joshkar-Ola, Mari kniga savyktýsh Publ., 1993. 160 p. In Mari.
- PMA 2022** – field materials of the author, recording from G. P. Pastiev, born in 1954, head of the Centralized Religious Organization of the Mari Traditional Religion of the Republic of Bashkortostan, 2022. In Mari.
- Salmin A. K.** Tradicijny'e obyady` i verovaniya chuvashaj [Traditional rituals and beliefs of the Chuvash]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2010. 240 p. In Russian.
- SMYA* – Slovar' marijskogo yazyka: V 10 t = Marij muter [Dictionary of the Mari language: in 10 vol.] / Ed. by I. S. Galkin. Yoshkar-Ola, Mar. kn. izd-vo Publ., 1990–2005. Vol. 7. 2002. 432 p.; Vol. 9. 2004. 520 p. In Mari and Russian.
- Shabykov V. I.** Marijskaja tradicionnaja religija na sovremennom etape // Marijskaja Tradicionnaja Religija: istorija i sovremennost' [Mari Traditional Religion at the present stage]. *Marijskaja Tradicionnaja Religija: istorija i sovremennost': mater. Vseros. nauch.-prakt. konf., posvjashh. Godu kul'turnogo nasledija narodov Rossii* [Mari Traditional Religion: history and modernity: materials of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to Year of cultural respect for the peoples of Russia]. Joshkar-Ola, Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History Publ. 2022, pp. 454-470. DOI:10.51254/978-5-94950-120-7_2022_26. In Russian.
- Abukaeva L. A., Krasnova N. M., Kabaeva N. F.** Objects of Worship and Veneration in Mari Taboos. *The Social Sciences*, 2016, vol. 11, iss. 8, pp. 1772–1775.
- Alybina T.** Contemporary Mari Belief: The Formation of Ethnic Religion. *Journal of Ethnology and Folkloristics*, 2012, no. 2, pp. 95-114. DOI: 10.2478/jef-2018-0013
- Beke Ö.** Mari Szövegek (Tscheremissische Texte) 2. Savariae, (Bibliotheca Ceremissica 1). 1995. 466 old.
- Narziyeva G.** The essence of national-cultural code in language. *Oriental Renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences*, 2022, vol. 2, iss. 11, pp. 348–355.
- Tscheremissische Texte. Band I / Gesammelt und herausgegeben von Ö. Beke.* Budapest, Adémiai Kiadó, 1957. 692 s.

Received 10.11.2023

Abukaeva Lyubov Alekseevna

Doctor of Philological Sciences, Principal Researcher
 Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History
 44, Krasnoarmeyskaya st., Yoshkar-Ola, 424036, Russia
 E-mail: sylne@mail.ru
 ORCID.ID: 0000-0002-9622-6770